

УДК 316.1
DOI 10.52452/18115942_2021_2_95

СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИЛИ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ?

© 2021 г.

Н.А. Вялых

Вялых Никита Андреевич, к.соц.н.; доцент кафедры теоретической социологии
и методологии региональных исследований
Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
sociology4.1@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 04.02.2021
Статья принята к публикации 15.04.2021*

Рассматриваются преимущества и ограничения современной неклассической социологии в контексте кризиса социально-гуманитарного познания. Ключевая идея состоит в том, что привлечение внимания к методологическому потенциалу исследования повседневной жизни может способствовать увеличению коллективного капитала символической власти социологической науки в России и за рубежом. Основные сложности научного переосмысления категории повседневности связаны с методологической «многоквартирностью» современной социологической теории и плюрализмом общественно-политической жизни в цифровую эпоху. Социология повседневности претендует на реализацию не только познавательной и управленческой функций, но и идеологической, которая выражается в формировании духовно-нравственных и социальных ориентиров. В связи с этим в настоящий момент прослеживается тенденция методологической переориентации социологии в сторону смягчения исследовательского стиля и инструментария. Отмечается, что, несмотря на неясный прикладной потенциал, социологическое знание является интеллектуальной вакциной общества против социального регресса. Подчеркивается необходимость перманентного отстаивания научного статуса социологии с учетом российских и мировых теоретических дискуссий и социально-политических реалий.

Ключевые слова: социология, повседневность, общество, методология, социология повседневности.

Постановка научной проблемы

Исторически так сложилось, что социология – это наука, почти полностью зависимая от внешних обстоятельств. Поток общественных настроений и социальных катаклизмов задает вектор социологических исследований, порою игнорирующих внутреннюю логику развития социально-гуманитарного знания, у которого могут быть и свои «собственные» задачи (как в естественных и технических науках). Конъюнктурность познавательного интереса мирового социологического сообщества, да и самого автора этой статьи, ставшего в 2020 г. соисполнителем гранта РФФИ «Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества в сложной эпидемиологической ситуации», особенно отчетливо проявляется в период пандемии нового коронавируса. За неприлично короткий срок появились сотни и даже тысячи научных публикаций по данной проблематике, хотя для всех очевидно, что изобретение лекарств и вакцин, равно как и управление общественным здоровьем, находится вне компетенции социологов. В то же время из-за пандемии происходит системная перестройка социально-стратификационной структуры общества, активизируются процессы интеграции и дифферен-

циации в институциональном поле здравоохранения, усиливаются риски депрофессионализации медицинских работников, поэтому социологи не могут и/или не должны закрывать на это глаза. Однако данная статья вовсе не об этом...

Приведенный выше пример иллюстрирует, как в условиях перманентной погони за актуальностью в практических исследованиях социологи несут бремя доказывания научной новизны и социальной значимости своих открытий. Несмотря на формальные атрибутивные признаки научности (паспорта научных специальностей, образовательные стандарты, профессиональные сообщества, академические структуры, эмпиризм, фундаментальность и пр.), социология, как и другие общественные науки, лишена аксиом и теорем. Данное обстоятельство неизбежно приводит к интеллектуальным самокопаниям, которые П. Бурдьё называл рефлексивной социологией [1].

Проект социальной физики О. Конта дал жизнь социологии и одновременно породил комплекс научной неполноценности социологов, продуцирующий дискуссии типа «социология – наука, но ...». Дело в том, что достаточно быстро стала понятной иллюзорность имплементации позитивистских установок в социально-гуманитарное познание. Этим обусловлено

оформление неклассической модели научной рациональности, ядром которой являются различные социологические и социально-философские направления, в фокусе которых находится повседневность (феноменология, герменевтика, этнометодология, социальная драматургия, символический интеракционизм, социалингвистика и др.).

Сегодня спектр отраслевых областей знания, выкристаллизованных в недрах неклассической социологии и качественной методологии познания, чрезвычайно разнообразен и экзотичен: социология автомобиля, социология космоса, социология профессий, социология любви и секса, социология вещей, социология танцев, социология смерти... И целого номера журнала может не хватить, чтобы перечислить и хотя бы обзорно охарактеризовать все отраслевые социологии, направления и поднаправления. С одной стороны, это благо, ибо каждый студент, преподаватель, исследователь, полстер, общественный деятель может самореализоваться в социологической науке, независимо от своего интеллектуального и образовательного бэкграунда. С другой стороны, ввиду методологической многоквартирности, граничащей с методологическим анархизмом и индивидуализмом, социологи теряют способность адекватно понимать не то что процессы в обществе, но и друг друга. Игрализованные практики, стирающие связь между символами и реальностью, прочно обосновались не только в повседневности общества постмодерна [2, с. 152], но проникли и в саму социологию.

Если говорить об уже «признанных социологиях» (допустим, по критерию включенности в структуру исследовательских комитетов Российского общества социологов), то одной из самых неоднозначных и загадочных, в плане научности, остается социология повседневности. Цель статьи состоит в привлечении внимания социологического сообщества к особенностям трансформации социологического типа мышления и дискуссиям о роли социологии в системе общественных отношений. Ключевая же проблема нашего теоретико-социологического размышления обозначена в заглавии в форме вопроса: кто кому (или «что чему») больше нужен и должен: социология – повседневности или всё-таки повседневность – социологии? Статья строится на предположении о том, что в современном социально-гуманитарном знании происходит методологический поворот представлений о социологии как науке для общества к представлениям о социологии как науке для «самой себя», подчиняющей повседневность своим когнитивным интересам.

Обзор литературы

Объем работ, посвященных проблемам развития социологии как науки, направлениям и методологии социологии повседневности в России и за рубежом, исчислению не подлежит, так как научная конкуренция высока не только в сфере полевых социологических исследований, но и в среде «кабинетных» социологов. Обозначим смысловые блоки, составляющие основу наших умозаключений о триаде «социология – социология повседневности – общество».

Конечно, обсуждая функциональную роль социологии повседневности в обществе и в самой социологии (как бы странно это ни звучало), нельзя обойти вниманием заслуги корифеев этой области знания (А. Щюца, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, Э. Гуссерля, В. Дильтея и многих других), которые социологами в полном смысле этого слова и не были. Однако мы не будем истолковывать уже много раз пересказанное, а сконцентрируемся на современных диспутах, посвященных практическому применению социологии повседневности.

Идейно-теоретические основания дискуссий о «новой» методологии социологического познания, которая должна быть заточена под исследование различных сфер повседневной жизни, представлены в трудах ученых феноменологической ветви. Быть экзистенциально вовлеченным в процесс познания обыденного мира, как отмечает М. Натансон, значит противостоять самому себе и другим в диалоге, выходящем за рамки болтовни и разговора. Такой диалог требует слушания, превосходящего слух, и видения, которое никогда не является синонимом взгляда [3]. По мнению Р. Гратхофа, нигилизм современности сказывается на научном методе, радикальная формализация, математизация и социологизация которого приводит к «ликвидации» философии, т.е. к забвению истинного основания научного исследования жизненного мира [4, с. 15]. Кроме того, Р. Гратхоф акцентирует внимание на необходимости перехода от социологии социального действия, изучающей «серьезные» рациональные формы поведения, к социологии игры с соответствующим ей гибким инструментарием исследовательского поля, который дает возможность разрешения контекстуальных несоответствий структуры и способов повседневного взаимодействия [5].

Что касается конкретно-социологических исследований повседневности в российской науке, то их и много и мало одновременно. «Много» – в том плане, что большинство из них имеют мультидисциплинарный базис, когда социологические задачи решаются посредством

активного привлечения исторического, лингвистического, философского, искусствоведческого, политологического, экономического и других стилей мышления [6–11]. Не исключено, что установка на сближение с другими науками вызвана давнишними притязаниями социологии на символический трон «царицы» социальных наук, который всегда занимала социальная философия, снабжающая наиболее общими методологическими и мировоззренческими принципами конкретные области знания (социологию, психологию, юриспруденцию, политологию, экономику, регионоведение и пр.). Справедлива и обоснована подобная экспансия – вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения, но именно повседневность как предмет социально-гуманитарных исследований делает социологию первой среди равных, учитывая ее теоретико-методологические традиции и достижения в области методики и техники сбора, анализа, обработки эмпирической информации.

Центральный корпус проанализированных нами источников касается метатеоретических проблем социологии: перспектив ее развития, сферы ответственности, точек напряженности. Особое внимание уделяется смыслоорганизующей роли социологических исследований в современной России в контексте неоднозначной истории социологии в советский и постсоветский периоды [12–15].

В современной научной периодике активно обсуждается методологическая переориентация, которая, по сути, редуцирует предметное поле социологии к повседневной жизни общества. Научному обоснованию эмоционализации и смягчения социологического инструментария посвящены работы Ж.Т. Тощенко [16, 17], А.А. Возьмителя [18, 19], В.С. Вахштайна [20, 21].

Важными для нас оказались и новые идеи в социологии повседневности с позиции ее предметно-дисциплинарных границ и прикладного значения для общества [22–27]. Данный блок теоретико-социологических исследований позволил оценить вектор трансформации социологии с учетом социальных изменений повседневной реальности в цифровую эпоху.

Результаты и их обсуждение

Автору, с момента старта научно-образовательной социологической деятельности, довелось преподавать социологию повседневности десять лет. Парадоксально, но с каждым годом эта дисциплина становится для нас все более трудноразрешимой головоломкой, к которой не то что учебное пособие, а внятную рабочую программу и тематический план раз-

работать не так просто. Основная причина кроется в неуловимом характере ее предмета: он как бы есть, но «присутствие» этого предмета номинально, поскольку зависит от ситуативных и локальных конвенций академического сообщества. В то же время сегодня можно говорить о сложившихся исследовательских традициях, методологическом инструментарии и устоявшемся категориальном аппарате социологии повседневности, которые разделяются большинством ученых безотносительно к членству в национальных и региональных научных школах.

Социология повседневности претендует на статус генерализованной модели социологического исследования, ибо исследования повседневности не ограничиваются только «низовым» (эмпирическим) уровнем познания [15, с. 43]. Концептуально, между общей социологией и социологией повседневности нет отличий, так как любой предмет эмпирического изучения вплетен в сеть наших рутинных взаимодействий и социальных отношений: от момента пробуждения до засыпания, от рождения и до самой кончины. В целом социология повседневности относится к уровню микросоциологии, хотя в современной российской науке предпринимаются успешные попытки анализа повседневности инструментарием макросоциологической диагностики, который открывает пространство для определения социальных настроений населения, содержания происходящих в обществе изменений, изучения адаптивных практик, предоставляющих жителям возможность встраиваться в динамичную социальную реальность и участвовать в конструировании макросоциальных процессов [23, 28, 29].

В.С. Вахштайн в качестве основного из парадоксов феноменологической интервенции в социологию называет «пересмотр самой повестки дня социологического исследования» [21, с. 8], который зачастую является способом легитимации использования качественных методов (нарративных интервью, неформализованных наблюдений, биографических описаний, интенсивного анализа текстов, социометрии). Ж.Т. Тощенко, характеризуя положение дел в современной социологической науке, отмечает, что социологические исследования направлены преимущественно на выявление, использование и учет количественно-качественных индикаторов жизненного мира – феноменов (четко регистрируемых явлений и процессов). Однако такой подход, по мнению ученого, влечет известные ограничения познания, прежде всего – понимания смысла жизни как ноумена, отсутствующего в опыте, но формируемого в ходе умопостигаемых рассуждений [16, с. 9].

Р.Х. Симонян приводит интересную метафору, говоря о смыслоориентирующей роли социологии: «Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление и скорость движения общества» [15, с. 49]. Данный посыл является ободряющим мотиватором к поиску инструментов социального диалога общества и сообщества социологов, но социальным может считаться только диалог «на равных» [30]. Следовательно, социологам следует отказаться от притязаний на капитал символической власти в формате «мы знаем об обществе больше, чем само общество знает о себе», поскольку сами исследователи, опирающиеся на подзабытые в социологии этнографические техники, сталкиваются с дилеммами участия в мире, который они изучают [31].

В связи с этим Ж.Т. Тощенко обосновывает прикладное значение социологической концепции жизни, в которой методологические проекции исследования повседневности сближаются с реальными практиками людей. Российский исследователь обозначает это сближение переходом от философии жизни к социологии жизни, к измерению конкретных аспектов повседневной действительности: проблем, ситуаций, всего того, что происходит в общественной и личной (приватной) жизни, взаимоотношений со средой, в которой работают и живут люди [17, с. 113]. Очевидно, что при подобном гуманистическом подходе социология служит интересам Человека (не претендуя при этом на зону влияния психологии), а не абстрактного общества и тем более своим собственным задачам, что можно наблюдать на примере интеллектуальных войн представителей социологии знания и социологии науки [32], которые по исследовательскому жанру и стилистике весьма близки к социологии повседневности.

Нельзя не согласиться с Ю.Г. Волковым, что российская социология до сих пор действует в парадигме публичного пространства, игнорируя смещение жизненной активности людей на «социальный микроуровень» в условиях ослабления социальных институтов, снижения институционального доверия, дефицита механизмов социальной самореализации и гражданской активности [22, с. 21–23]. Изменения в социальной структуре общества актуализируют научные диспуты прошлого. А.В. Курамшев и А.А. Широков, сравнивая историческое противостояние проектов социологии Э. Дюркгейма и Г. Тарда, обращают внимание на недооцененность в российской социологии концепции ассоциаций последнего как альтернативы статич-

ной солидаристской теории общества Э. Дюркгейма [25].

Социологическая метатеория достаточно оперативно реагирует на заполнение публичного пространства множеством частных пространств возобновлением дискуссий а-ля «общественное мнение не существует» [33, с. 272–286]. Действительно, в цифровую эпоху абсолютно каждый, начиная от ребенка и заканчивая руководителем государства, может завести аккаунты в различных сетевых порталах и начать производить мнение, разделяемое и тиражируемое фолловерами (последователями, подписчиками) и/или критикуемое хейтерами (принципиальными оппонентами). Так, в профессиональной деятельности зарубежных социологов и политтехнологов социальные сети уже давно стали альтернативой данным социологическим опросам, потому что они существенно расширяют диапазон символической репрезентации общественного мнения пользователей интернет-ресурсов [34–36].

На Западе социологическая наука на конкурентный вызов социально-сетевых платформ ответила трансформацией социологии повседневности (а быть может, и «всей» социологии) в цифровую социологию, сфокусированную на адаптации «канонических» концептуальных и методологических инструментов к анализу взаимодействия человека с новейшими технологиями. В настоящее время в цифровой социологии формируется и уже приобретает отчетливую самобытность ряд таких тематических направлений, как исследования труда, организаций, социального неравенства и мобильности, гражданской активности, миграции [26, 37].

Оценки самих социологов по поводу статуса и перспектив российской и мировой социологии противоречивы [14]. Все чаще высказываются мнения, формирующие дискурс кризиса [12, 13], об утрате социологией своей предметности, размывании дисциплинарных границ, засилье эмпирических научно-исследовательских практик, и синхронно во внешнюю среду постоянно транслируется (читай – лоббируется) идея о том, что ни бизнес, ни государство, ни социальные институты (экзистенциальный статус которых пошатнулся одновременно с научным статусом социологии), ни повседневность, ни семья, ни обыватель без социологии долго «не протянут».

По верному замечанию А.А. Возмителя, в настоящий момент назрела потребность в реконцептуализации социологического подхода в российской науке, подразумевающей переход от структурно-функциональной к субъектно-деятельностной динамической концепции обра-

за жизни, так как главная теоретико-методологическая проблема исследования повседневности сегодня – «как изучать то, чего нет в действительности, но что может и должно появиться в не слишком далеком будущем» [18, с. 55]. Подобную мысль в 1959 г. в книге «Социология воображения» высказал Р. Миллс. В «дорожной карте» новой социологии он призвал исследователей отойти от «высокой» теории и сосредоточить внимание на частных проблемах повседневной жизни людей. Кроме практической пользы, такой ракурс, требующий от ученых особого качества ума, способствует сохранению социологией своей независимости от корпораций и правительств [27].

Так или иначе, стремясь выйти за пределы частных социологических теорий, социология повседневности претендует на реализацию не только познавательной (описательной) и управленческой (социоинженерной) функций, но и идеологической, обнаруживающейся в моделировании социальной карты реальности. О.В. Аксенова, рассуждая о проблемах взаимодействия теории и практики в современной социологии, справедливо говорит, что «символизм, субъективность знания и влияние ученого на предмет исследования не означают, что реальность исчезла, общество непознаваемо, нет смысла подтверждать теорию практикой, а надо лишь изощренно интерпретировать его» [38, с. 20–21].

Различные модели социального поведения, стили жизни, идентичности, сталкиваясь друг с другом, образуют устойчивые сочетания конкретных типов повседневной жизнедеятельности, эмпирическая фиксация которых, не принципиально какими методами, позволяет составить представление о реальном образе жизни общества в целом [19, с. 57]. К тому же нельзя недооценивать социально-оздоровительный потенциал социологического знания для российского общества, если мы признаем его социокультурную травмированность [24]. Однако в нашей стране вместе с обществом оказалась травмированной и социология.

Выводы

Интеллектуальная догматичность приверженцев классики социологии, никогда не выходящей из когнитивной моды, и свободный поток авангардного постмодерна ставят теоретиков и эмпириков неклассической социологии в маргинальное положение. Такая многоликость современной социологии формирует ее невротический портрет. Уже в самой формулировке вопроса: «Социология для повседневности или повседневность для социологии?» – заложено

противоречие. Оно выражается в том, что социология уж точно обладает субъектностью как свойством сознательного воздействия на окружающую реальность и даже ее преобразования (пусть и в разной степени, в зависимости от региона, исторического контекста, ресурса символической власти и сферы применения), а повседневность – едва ли. Более того, повседневность – это в какой-то степени результат целерационального познавательного интереса и социального моделирования социологов, так как повседневные взаимодействия проблематизируются, как правило, мозговым штурмом ученых, но никак не сами по себе.

В подобной теоретической конструкции (в которой повседневность не рефлексировалась, а была возможна только рефлексия повседневности) мы жили до четвертой технологической революции. Как отмечает В.С. Вахштайн, материальные объекты современной повседневности конституируют взаимодействие людей, «сцепляя» и «расцепляя» разные порядки интеракций в пространственно-временном континууме [20, с. 8–9]. В современных условиях материальные предметы номинируют повседневность, выступая в некотором роде условным субъектом взаимодействия, чего тот же М. Вебер, будучи пионером неоклассического этапа в социологии, даже не мог допустить [39]. Поэтому представление о том, что социологи изучают повседневность, является в какой-то степени иллюзорным. Нам остается лишь смирить гордыню и признать, что скорее повседневность, подчиняя социологов, исследует саму себя, самонаблюдает и самоописывает, если использовать аутопойетическую терминологию Н. Лумана.

Высказанные в статье критические суждения мы рассматриваем как импульс к переоценке ценностей и ресурсных возможностей социологической науки, а не «еще один кирпич в стене» аргументов ее практической квазипользости, как может показаться при первом приближении. В конечном итоге, все эти публичные дискуссии в «социологии социологии о судьбах социологии» буквально спиливают сук, на котором все мы сидим, ведь трудимся мы, проводя исследования по грантам и опросы общественного мнения, взаимодействуя со студентами, либо занимаясь социально-управленческой и общественно-политической деятельностью, не безвозмездно.

Обыкновенно гипотезы ставятся для того, чтобы их подтвердить. Наше предположение о трансформации социологии в науку для «самой себя» подтверждается лишь частично, потому что социальный институт функционирует до тех пор, пока в нем нуждается общество. Если бы

социология как ячейка социального института образования и науки совсем не решала проблемы повседневной жизни, то вряд ли выделялись бы контрольные цифры приема в бакалавриат (магистратуру/аспирантуру), не действовала бы система аттестации научно-преподавательского корпуса, не было бы прямого и опосредованного (грантового) финансирования фундаментальных и прикладных социологических разработок, наконец, не санкционировались бы региональными администрациями масштабные съезды и конференции (например, Всероссийский социологический конгресс).

В данный момент можно судить о симбиозе социологии и повседневности. Без рефлексии повседневности с имманентной ей серостью, обыденностью, рутинностью социология лишится своего предмета, потому что, во-первых, она изучает типические конструкты (чистые формы социации, по Г. Зиммелю [40]), а не уникальные процессы и явления, а во-вторых, и это главное, новая цифровая социальная реальность с ее идейно-теоретическим плюрализмом элиминировала возможность исследовать «общество в целом» как единую социальную систему. Повседневность, в свою очередь, зависит от профессиональных компетенций социологов интерпретировать, объяснять и систематизировать хаотичные, на первый взгляд, социальные практики, превращая их в количественно и качественно промеряемые модели (паттерны) социального поведения. Подобно психотерапевту, помогающему посредством своей собственной психики справиться клиенту (пациенту) с жизненными трудностями, осознав свои истинные потребности и мотивы, социология помогает человеку, пусть и незаметно, окольными путями, соотносить личные представления, ценности, установки с ментальными программами значимых для него социальных групп и общностей.

Более чем двадцатилетний запрет на ведение какой-либо социологической деятельности в СССР сам по себе никакой трагедии не принес, но один из самых сложных периодов в истории России XX в. приходится именно на 30–40-е гг. Совпадение? Если смоделировать ситуацию свертывания (в «мягком» варианте – без репрессий и гонений, а посредством прекращения государственного финансирования и символического позитивного подкрепления) социологических исследований, преподавания социологии будущим социологам и несоциологам (что, кстати, уже происходит в связи с устранением социологии из обязательной части образовательных стандартов ряда академических направлений), то в краткосрочной перспективе никакой катастрофы не произойдет. Возможно,

даже высвободится солидный объем средств, направив которые на приоритетные для государства отрасли развития науки и техники можно будет модернизационно «догнать» передовые страны Запада и Востока. Но еще Б. Брехт устами своего Галилея в специально дописанном после сброса атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки монологе предупреждал ученых, что накопление знаний ради самих знаний сделает науку калеккой, а новые машины принесут только новые тяготы [41, с. 183]. В глобальном отношении социологическое мышление является для общества вакциной от социального псевдоаутизма, а перед студентами социология открывает уникальный мир инсайтов самопознания и саморазвития, без которых просто немыслима парадигма непрерывного образования.

Список литературы

1. Bourdieu P., Waquant L.J.D. An Invitation to reflexive sociology. Blackwell: Polity Press, 1992. 348 p.
2. Кравченко С.А. Игравизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 143–155.
3. Natanson M. Literature, philosophy, and the social sciences. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1962. 238 p.
4. Grathoff R. Philosophers in Exile: The correspondence of Alfred Schutz and Aron Gurwitsch, 1939–1959. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1989. 380 p.
5. Grathoff R. The structure of social inconsistencies: A contribution to a unified theory of play, game, and social action. Hague: Springer Netherlands, 1970. 186 p.
6. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Тело как проект: практики конструирования // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 2. С. 8–20.
7. Дискин И.Е. Крах и рождение института из взрыва повседневности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5 (159). С. 629–648.
8. Дунаева М.Б. Гастрономический дискурс в культурных практиках повседневности // *Наука. Искусство. Культура*. 2019. № 1 (21). С. 143–150.
9. Макаров Е.С. Социологическая концептуализация электронных денег: сложности и перспективы // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 2. С. 214–224.
10. Минаев Е.А., Гнисюк Н.А. Музыка в повседневности // *Культурное наследие России*. 2019. № 1. С. 9–14.
11. Сыроедеева А.А. Ускользающая повседневность // *Vox. Философский журнал*. 2018. № 25. С. 146–158.
12. Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 3–12.

13. Романовский Н.В. Метатеоретизирование в социологии: дискурс и прогноз // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 127–135.
14. Покровский Н.Е., Симонова О.А., Матвеева Е.В. Социология и общество в XXI веке: кризисы и образы будущего (круглый стол) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 50–59.
15. Симонян Р.Х. Общество без социологии или социологи без общества // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 41–51.
16. Тощенко Ж.Т. От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14.
17. Тощенко Ж.Т. От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5. С. 104–118.
18. Возьмитель А.А. Реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 4 (48). С. 55–64.
19. Возьмитель А.А. Повседневность и ее целостный социологический анализ // Материалы X Международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности» / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 56–59.
20. Вахштайн В.С. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 1–48.
21. Вахштайн В.С. Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // Социология власти. 2014. № 1. С. 5–9.
22. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
23. Волков Ю.Г. Социология для общества // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 34–42.
24. Кравченко С.А. Социологические теории травмы: дискуссию в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60–69.
25. Курамшев А.В., Широков А.А. Социология социального и ассоциаций: Эмиль Дюркгейм и Габриель Тард об изменениях в обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 131–138.
26. Fussey P., Roth S. Digitizing sociology: continuity and change in the Internet era // Sociology. 2020. № 54 (4). P. 659–674.
27. Puga I., Easthope R. An analysis of C. Wright Mills's the sociological imagination. London: Macat Library, 2017. 106 p.
28. Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса // Президентский контроль. Информационный бюллетень / Издание Администрации Президента Российской Федерации. 2010. № 1. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Prez_kontr_1_2010_Gorshkov.pdf (дата обращения: 1.02.2021).
29. Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 71–95.
30. Курбатов В.И. Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–112.
31. Burawoy M. Revisits: An outline of a theory of reflexive ethnography // American Sociological Review. 2003. № 68 (5). P. 645–679.
32. Вахштайн В.С. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. 2017. Т. 27. № 1 (116). С. 41–84.
33. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
34. Ederly S., Thorson K. Political communication and public opinion innovative research for the digital age // Public Opinion Quarterly. 2020. Vol. 84. P. 189–194.
35. McGregor S.C. «Taking the temperature of the room». How political campaigns use social media to understand and represent public opinion // Public Opinion Quarterly. 2020. Vol. 84. P. 236–256.
36. Roca-Cuberes C., Young A. Vox populi? Trump's Twitter page as public forum // Social Sciences. 2020. Vol. 9. No. 12. P. 1–13.
37. Reed D.J. Dancing with Data: Introducing a creative interactional metaphor // Sociological Research Online. 2019. № 25 (4). P. 533–548.
38. Аксенова О.В. Практическая социология: трудности концептуализации и спонтанная междисциплинарность // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 10. С. 13–23.
39. Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 1. Трансцендентализм М. Вебера // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 83–90.
40. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
41. Брехт Б. Жизнь Галилея. М.: Художественная литература, 1988. 206 с.

SOCIOLOGY FOR EVERYDAY LIFE OR EVERYDAY LIFE FOR SOCIOLOGY?

N.A. Vyalykh

Institute of Sociology and Regional Studies at Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article discusses advantages and limitations of modern non-classical sociology in the context of socio-humanitarian knowledge crisis. The key idea of the paper is that attention to methodological potential of everyday life

research may help increase the collective capital of the symbolic power of sociological science in Russia and abroad. Main difficulties to scientific reconceptualization of everyday life category are related to methodological «multifamily» in modern sociological theory and pluralism of socio-political life in digital era. The author believes that sociology of everyday life claims to fulfill not only cognitive and managerial functions, but also an ideological one, which is expressed in the formation of moral and social guidelines. At this point there is a tendency to methodological turnaround to softening of the research style and toolkit in sociology today. It is shown that sociological knowledge is the intellectual vaccine of society against social regression despite its implicit application potential. In conclusion, in the light of actual theoretical disputes and taking into account Russian and global socio-political conditions, the constant need to defend the scientific status of sociology is emphasized.

Keywords: sociology, everyday life, society, methodology, sociology of everyday life.